

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 1

2021

К. Е. Нетужилов

Журнал «Христианское чтение»: исторический контекст и социокультурные факторы возникновения

DOI 10.47132/1814-5574_2021_1_32

Аннотация: В статье, написанной на основе диссертации автора, посвященной формированию системы церковной периодической печати в России в XIX – начале XX вв., рассматриваются исторические и социокультурные факторы возникновения журнала «Христианское чтение». В качестве важнейших обстоятельств создания журнала отмечаются духовный кризис, вызванный разочарованием в идеалах Просвещения после войны 1812–1814 гг.; возникновение и развитие христиански ориентированной части образованного общества, нуждавшегося в духовной литературе на русском языке; формирование в результате реформы духовно-учебных заведений 1808–1814 гг. поколения просвещенного духовенства, образовательный уровень которого соответствовал общественным ожиданиям того времени. Благодаря совпадению данных обстоятельств стало возможным создание церковного периодического издания.

Ключевые слова: «Христианское чтение», история, церковь, православие, Санкт-Петербургская духовная академия, журналистика, духовное просвещение, цензура.

Об авторе: **Константин Евгеньевич Нетужилов**

Доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

E-mail: Konstnet@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0182-6344>

Ссылка на статью: Нетужилов К. Е. Журнал «Христианское чтение»: исторический контекст и социокультурные факторы возникновения // Христианское чтение. 2021. № 1. С. 32–49.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2021

Konstantin E. Netuzhilov

**The Journal *Christian Reading*:
the Historical Context and Sociocultural Factors
of its Origins**

DOI 10.47132/1814-5574_2021_1_32

Abstract: The article examines the historical, social and cultural factors of the emergence of the journal *Christian Reading*. The most important are the spiritual crisis caused by disillusionment with the ideals of the Enlightenment after the war of 1812–1814; the emergence and development of a Christian-oriented part of an educated society in need of spiritual literature in Russian; the formation, as a result of the reform of theological educational institutions in 1808–1814, of a generation of enlightened clergy, whose educational level corresponded to the public expectations of that time. Due to the coincidence of these circumstances, it became possible to create a church periodical publication.

Keywords: *Christian Reading*, history, church, Orthodoxy, St. Petersburg Theological Academy, journalism, theological education, censorship.

About the author: **Konstantin Evgen'evich Netuzhilov**

Doctor of Philology, Professor of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics.

E-mail: Konstnet@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0182-6344>

Article link: Netuzhilov K. E. The Journal *Christian Reading*: the Historical Context and Sociocultural Factors of its Origins. *Khristsianskoye Chteniye*, 2021, no. 1, pp. 32–49.

В январе 1821 г. в Санкт-Петербурге вышел в свет первый номер журнала «Христианское чтение», двухвековой юбилей которого мы отмечаем сегодня. Долгий исторический путь старейшего в России церковного периодического издания был достаточно непростым. Этот путь состоит из ряда этапов, которые определяются теми или иными поворотами в сложной системе взаимоотношений Церкви, общества и государства в России на протяжении XIX–XX вв. Хронологические рамки этих относительно целостных отдельных этапов обусловлены некоторыми специфическими для них чертами церковной жизни, отражающими, в свою очередь, как общее развитие страны, так и конкретную конфессиональную политику самодержавной власти

Необходимо иметь в виду, что время возникновения и первых десятилетий существования «Христианского чтения» в целом было не особенно благоприятным для развития отечественной журналистики. В последние годы царствования Александра I и в течение всего царствования Николая I отношение высшей бюрократии империи к печатному слову варьировалось от осторожного до крайне негативного. Особенно внимательно правительство относилось к печати периодической, справедливо усматривая в ней инструмент мощного воздействия на мировоззрение образованного меньшинства империи. Именно поэтому из основных функций, присущих журналистике — информационной, пропагандистской, просветительской, — долгое время преобладала именно последняя. Это обстоятельство необходимо постоянно иметь в виду, когда речь идет о церковной журналистике данного периода.

Можно с уверенностью сказать, что решающую роль в деле зарождения церковной периодической печати и появления журнала «Христианское чтение» сыграла реформа духовных учебных заведений, проведенная в царствование императора Александра I. История подготовки и осуществления реформы 1808–1814 гг. подробно представлена в исторической литературе [Знаменский, 1878; Титлинов, 1908; Титов, 1906], поэтому мы лишь кратко коснемся ее основных составляющих. Начало царствования императора Александра I по инерции предыдущего века было проникнуто идеями Просвещения. Впервые в отечественной истории под их реализацию была сформирована разветвленная государственная структура с Министерством народного просвещения во главе. С 1803 г. стало действовать «Положение об устройстве учебных заведений», положившее начало реформе системы образования. Все учебные заведения были разделены на четыре разряда: приходские и уездные (училища), губернские (гимназии) и университеты. Были сформированы учебные округа, центром каждого из которых становился определенный университет. Происходила модернизация учебных программ, резко увеличилось число учебных заведений и учащихся. Изменилось и общественное мнение — системное образование становилось престижным. Все это в совокупности привело к заметному увеличению количества в разной степени образованных людей — потенциальных потребителей периодики.

На фоне этих изменений духовенство, считавшееся в предыдущем XVIII столетии наиболее образованным сословием в стране, смотрелось уже далеко не лучшим образом. Система духовного образования, недостатки которой были отчасти очевидны еще в эпоху Екатерины II, теперь выглядела совершенно архаичной. Просвещенные деятели Церкви, такие как Евгений Болохвитинов (в ту пору епископ Старорусский), митрополит Новгородский и Петербургский Амвросий (Подобедов) и некоторые другие справедливо критиковали духовную школу за засилье латинского языка, на котором традиционно преподавалось большинство дисциплин, а также за схоластику, эклектичность учебных программ, отсутствие учебников, слабую профессиональную подготовку самих преподавателей. Из всего этого выросло множество проблем, духовенство отрывалось от паствы, оказываясь в социально-культурном вакууме. Латинские цитаты одинаково не годились как для неграмотных прихожан деревенских церквей, так и для значительной части городских жителей, уже усвоивших элементы секулярной европейской культуры. Таким образом, налицо было начало кризиса духовного просвещения с далеко идущими последствиями — как профессионального, для подготовки духовенства, так и в плане религиозного просвещения

паствы. В первой четверти XIX столетия Православная Церковь столкнулась с уже окончательно расколовшимся обществом (дворянство и народ), ориентированным на различные формы социальной жизни и на несовместимые ценности. В христианской стране постепенно исчезал единый, объединяющий общество христианский язык. Если низы грамотного общества и очень небольшая часть элиты умели читать на славянском, то образованный слой уже потерял этот навык (вспомним, что сам Александр I, обратившись к Евангелию, читал его на французском языке).

С другой стороны, война 1812 г. позволила вновь взглянуть на Россию как на христианскую страну. В Высочайших манифестах военного времени, формировавших идейное обоснование происходивших событий, неоднократно подчеркивалось, что русские люди сражаются не только за территориальную целостность своего Отечества, но и за христианские ценности (Собрание высочайших манифестов, 1816, 2–11).

В светском обществе того времени только что был пережит период всеобщей увлеченности энциклопедическим материализмом, престиж которого был теперь сильно подорван событиями Французской революции и последовавшим после нее общеевропейским кровопролитием. Разочарование в идеалах Просвещения не компенсировалось сразу возникновением какой-либо внятной альтернативы, в результате чего возникал своеобразный идейный вакуум, для заполнения которого многие в это время обращали внимание на религию. Поверхностное вольнодумство часто сменялось теперь столь же поверхностной религиозностью. Воспитанные в формальном православии и неформальном вольтерьянстве дети неверующих отцов — а именно таким, в значительной части, было образованное общество пушкинской эпохи — часто находили духовную пищу за пределами Церкви. Специфика ситуации заключалась в том, что образованный человек этого времени был фактически лишен возможности религиозно-духовного выбора — его интеллектуальное и духовное развитие было возможно главным образом либо в рамках западного мистицизма, либо западного же антиклерикализма. Сам император был в немалой степени примером для подражания в неопределенной межконфессиональной мистической религиозности. Многие церковные деятели того времени с тревогой констатировали формирующуюся на глазах системность неправославного мировоззрения, включающую в себя широкий спектр оттенков — от мистики до рационализма, от мракобесных суеверий до атеизма. Новизна ситуации для Церкви была и в том, что впервые заходила речь не о более-менее привычном межконфессиональном противостоянии, а о борьбе веры с неверием.

При реализации реформы духовно-учебных заведений основательные изменения коснулись учебных планов и программ. Процесс обучения стал весьма длительным — шесть лет в уездном училище, шесть лет в семинарии и (для избранных) четыре года в академии. Кроме богословских, церковно-исторических и церковно-практических дисциплин новые учебные планы семинарий включали еще и историю, философию, словесность, географию, математику и физику. В академиях читались курсы по всеобщей и русской истории, эстетике, истории философии, высшей математике и т. д. Семинарские и академические программы предусматривали основательное изучение иностранных языков, как древних — латинского, древнегреческого и древнееврейского, так и новых — немецкого и французского. При составлении «Начертания правил» Комитет ориентировался на европейские, прежде всего немецкие и, отчасти, английские образцы духовного образования. Германские традиции придавали исключительное значение обучению именно древним языкам. Естественно, что в российских условиях первое место среди них должно было принадлежать древнегреческому языку. Выбор такого вектора развития сразу определил логику подбора профессорско-преподавательского состава и администрации духовно-учебных заведений. В духовных школах, и в первую очередь в Санкт-Петербургской духовной академии, среди наставников постепенно появилось много высококлассных переводчиков — знатоков Писания и Предания. В соответствующую сторону было ориентировано и преподавание. Именно отсюда, по-нашему мнению, скорее всего, проистекает

столь активная переводческая работа, которая была присуща редакционным коллегиям первых десятилетий существования «Христианского чтения».

Духовные академии, по замыслу М. М. Сперанского, не могли ограничиваться одной лишь учебной деятельностью. Подобно университетам, они должны были стать центрами научной жизни. Для организации научной работы внутри академии создавалась Конференция по поощрению учености. Были обозначены требования для приращения ученых степеней кандидата, магистра и доктора богословия.

Пробной площадкой для нововведений стала Санкт-Петербургская академия, преобразованная в 1797 г. из Александро-Невской семинарии. По складу внутренней жизни она заметно отличалась и от своих старших сестер — Московской и Киевской духовных школ, и от своей ровесницы в Казани. Особая специфика духовного образования в Санкт-Петербурге складывалась не только из того, что столичный статус прямо подразумевал некую образцовость во всех явлениях семинарско-академической жизни. Гораздо важнее была общая атмосфера подчеркнуто секулярного (несмотря на обилие церквей) города, «окна в Европу», бывшего главным проводником европейских интеллектуальных движений в России. Выпускников петербургских семинарий и Академии в кругу коллег всегда отличали и широта кругозора, и более высокая степень умственной свободы. Московские духовные школы тоже гордились наличием собственной атмосферы, они также налагали на своих питомцев особый отпечаток принятого здесь стиля. Но этот стиль был принципиально иным, нежели в столице. Московская духовная академия располагалась в Сергиевом Посаде, в Троице-Сергиевой лавре. Отдаленность от большого города, деревенская тишина, древние молитвенные традиции сообщали ей, по определению современников, характер «полукиновии» [Ростиславов, 1872, 42].

Уже в 1809 г. Санкт-Петербургская академия первой в стране стала жить по новому академическому уставу. Набранным на ее первые курсы студентам выпало учиться в годы наполеоновских гроз, быть свидетелями патриотического подъема во время Отечественной войны 1812 г. и последовавших за ней заграничных походов. Конечно, атмосфера духовной школы была принципиально иной, нежели та, в которой формировались умы и души царскосельских лицеистов или овечьей первым порохом гвардейской молодежи. Но важно то, что первые выпускники Академии вышли из ее стен в эпоху никогда не виданного прежде общественного подъема. Ощущение собственной причастности к историческому процессу, желание реализовать себя на службе отечеству, истине и справедливости было в той же мере характерно в эту пору как для воцерковленных питомцев духовных школ, так и для будущих декабристов, создававших тогда свои первые тайные общества. Молодых бакалавров и магистров богословия увлекали, конечно, не либеральные конституционные идеи, не труды Адама Смита или история Великой французской революции. Расширение политического и исторического кругозора шло у них с углублением веры в Промысл Божий, проявляемый как в истории всемирной, так и в судьбе России. Изданная в 1818 г. «История государства Российского» Н. М. Карамзина сделала предметным интерес образованного духовенства к отечественной истории как гражданской, так и (в первую очередь) церковной.

Благодаря первым серьезным успехам в деле распространения образования к концу первой четверти XIX столетия в России возникло читающее общество. Это обстоятельство стало важнейшей предпосылкой для формирования книжного рынка. Оно же сыграло решающую роль в деле становления отечественной журналистики. Появление относительно массового читателя сулило возможность рентабельного издания периодических изданий. Это же можно отнести и к такой специфической области журналистики, как журналистика духовная. Вступившее в жизнь новое поколение священнослужителей по своему кругозору, по своим интеллектуальным и духовным запросам значительно отличалось от прежних поколений. Таким образом, ставшая насущной необходимостью противостояния распространявшемуся нехристианскому мировоззрению соединялась с возможностью

использования в этих целях силы печатного слова, распространяемого посредством периодического издания.

Заметную роль в подготовке современников к восприятию исходящего от Церкви печатного слова сыграло Библейское общество, осуществлявшее свою деятельность в России в период между 1812 и 1826 гг. Общество видело свою задачу в широком распространении Библии среди населения империи. Речь шла не только о массовых тиражах Священного Писания на традиционном для церковного обихода старославянском языке. Важнейшая новация заключалась в стремлении перевести библейские тексты на русский язык, сделав их, таким образом, легкодоступными для восприятия современников. Кроме того, осуществлялись и многочисленные переводы на языки народов, населяющих просторы империи (в том числе и нехристианских). Издаваемые массовыми тиражами экземпляры Библии на живых языках должны были распространяться по минимальной стоимости, а беднейшим слоям населения их предполагалось раздавать и вовсе бесплатно. Опыт европейской истории свидетельствует, что перевод Библии на живые языки всегда давал импульс для подъема духовной жизни стран и народов. Происходило не только углубление и осмысление веры, развитие богословия, но и значительно обогащались литература, язык и вся культура в целом. Деятельность Библейского общества, имевшего мощную административную поддержку (с конца 1813 г. в нем стал состоять сам император) поражала размахом. В результате его трудов в течение первых десяти лет, к 1823 г., по его инициативе в России было издано свыше 700 тысяч экземпляров Священного Писания на 43 языках [Пыпин, 2000, 85]. В 1818 г. произошло знаменательное событие — состоялось первое издание Нового Завета на русском языке. Его перевод был осуществлен коллективно: ректор Духовной академии архим. Филарет (Дроздов) перевел Евангелие от Иоанна, профессор свящ. Г. П. Павский был автором перевода Евангелия от Марфа, ректор Духовной семинарии архим. Поликарп (Гойтанников) — Евангелия от Марка, и, наконец, Евангелие от Луки было переведено бакалавром Академии архим. Моисеем (впоследствии ректором Киевской семинарии) [Чистович, 1899а, 28]. Вскоре после перевода и издания Четвероевангелия были переведены и остальные книги Нового Завета, полный текст которых был издан в 1821 г. Примечательно, что почти все участники перевода, за исключением архим. Моисея, впоследствии сыграли активную роль в процессе создания духовной журналистики в России. В 1822 г. на русском языке была издана Псалтырь. Кроме того, под эгидой Библейского общества осуществлялось массовое издание и распространение книг религиозно-назидательного характера, составленных для разных слоев общества. В подавляющем большинстве это были переводы с немецкого или французского, т. к. отечественных авторов попросту не было. Особенно примечательна деятельность на этом поприще княгини С. С. Мещерской, издавшей за собственный счет около ста книг и брошюр общим тиражом более 400 тысяч экземпляров. Благодаря этой и подобным инициативам книги религиозной тематики постепенно обретали читателей за пределами семинарских классов и монастырских келий.

Просветительская работа Библейского общества, способствовавшая формированию относительно широкого читательского спроса на духовную литературу нового типа и тем самым создавшая дополнительные предпосылки для возникновения религиозной периодики, имела в качестве последствий еще одно, важное для нашей темы обстоятельство. В результате весьма неоднозначного отношения к идеям, лежащим в основе Библейского общества, в образованных кругах, как светских, так и церковных, возникло противостояние, принимавшее порой достаточно напряженный характер. Это противостояние носило в основном неофициальный характер, в нем сплетались не только мировоззренческие, но и бюрократические, и личные позиции. В литературе подробно описана борьба, которую вели против кн. А. Н. Голицина, совмещавшего в то время должности обер-прокурора и министра просвещения и духовных дел и бывшего убежденным сторонником деятельности Библейского общества, его противники — Петербургский митрополит Серафим, адмирал А. С. Шишков, архим.

Фотий и другие [Вишленкова, 1997; Кондаков, 1998]. Эта борьба велась, главным образом, методом закулисных интриг, но в ней присутствовала и идейная составляющая, которую очень чутко воспринимали современники. По сути, речь шла о различном понимании православия — одними в качестве составляющей христианского надконфессионального универсума, другими в качестве абсолютного воплощения христианской истины, по отношению к которой все остальные конфессии являются ее искажением. Осмысление этой проблематики определило впоследствии многие пути развития общественной мысли в России — П. Я. Чаадаев, славянофилы и западники и т. д. Для нас в данном случае важно то, что богословско-философская и церковно-историческая тематика стала приобретать актуальность в конце александровской эпохи, подготавливая, таким образом, почву для рождения церковной журналистики.

Правительственная политика в первое десятилетие Александровского царствования также способствовала подъему журнального дела. 9 ноября 1804 г. был издан первый в России общий «Устав о цензуре». Этим уставом была узаконена предварительная цензура всех без исключения изданий. Общее руководство цензурой было возложено на Главное правление училищ, созданное в 1802 г. в структуре Министерства народного просвещения [Жирков, 2000, 18]. В основу устава были положены достаточно либеральные принципы, что повлекло за собой возникновение большого числа новых повременных изданий. Смягчение цензурного контроля сопровождалось созданием благоприятных условий для организации типографского дела — Именной указ от 9 февраля 1802 г. разрешал возобновление деятельности старых и открытие новых частных типографий на правах «прочих фабрик и рукоделий... во всех городах Российской империи» (ПСЗ. XXVII. 20.139). В период с 1801 по 1811 гг. в стране возникло два десятка новых журналов. Правда, с 1811 г. ситуация несколько изменилась — при Министерстве полиции был учрежден Особый комитет для дополнительного цензурного контроля над периодикой, а главное, для надзора за самими цензорами. Таким образом, цензура Министерства просвещения фактически была подчинена Министерству полиции. Постепенно стала складываться достаточно разветвленная система ведомственных цензурных органов — кроме цензуры общей появились цензуры военная, иностранная, духовная, театральная и т. д.

История духовной цензуры в Синодальный период восходит к Духовному регламенту. Духовный регламент содержал следующее правило (Ч. 3, п. 3): «Аще кто о чем богословское письмо сочинит и то е б не печатать, но первое презентовать в коллегииум, а коллегииуму рассмотреть должно, нет ли какового в том письме погрешения, учению православному противного» (ПСЗ. VI. 3718). Все издания, подлежащие духовной цензуре, должны были печататься только в Синодальной типографии в Петербурге или в Киево-Печерской лавре. После того как Екатерина II указом 1783 г. разрешила открытие вольных типографий во всех городах России, началась активная издательская деятельность Н. И. Новикова. Кроме книг просветительского характера Н. И. Новиков издавал большое количество религиозной (чаще всего масонской или мистической) литературы. Издания этого типа вызвали недовольство императрицы, что повлекло за собой тотальную проверку всех изданных Н. И. Новиковым книг и журналов, многие из которых были запрещены и конфискованы [Новиков, 1957, 577]. В 1796 г. деятельность вольных типографий была прекращена, а для контроля над всеми изданиями были учреждены цензурные комитеты, состоявшие из двух светских и одной духовной особы. Следующим шагом в развитии духовной цензуры стал указ Павла I от 13 марта 1799 г., которым в Москве создавалась Цензурная комиссия (полное название — «Учрежденная в Москве Духовная Цензура для свидетельства и рассматривания сочиняемых и переводимых книг до церкви и учений церковных касающихся» (ПСЗ. XXV. 188880). Цензурная комиссия находилась в непосредственном ведении Св. Синода и состояла из председателя (обычно ректора Московской духовной академии) и трех членов из числа ученых монахов или представителей белого духовенства, «известных по своим познаниям в словесных науках и языках» (ПСЗ. XXV. 18888.). Благодаря такой централизации цензурный контроль духовных сочинений

превратился в громоздкую и очень продолжительную процедуру. Все без исключения издания, подлежащие духовной цензуре, следовало доставлять в Москву, откуда члены Комиссии по каждому сомнительному поводу обращались за разъяснениями в Св. Синод, в Петербург. Кроме того, авторы обязывались издавать свои сочинения исключительно в Синодальной типографии. После 1802 г., когда была возобновлена деятельность вольных (частных) типографий, это правило стало вызывать массовое недовольство, т. к. последние предлагали значительно более привлекательные условия [Котович, 1909, 51].

Реформа церковного образования 1808–1809 гг. принесла с собой серьезные изменения в организации духовной цензуры. Устав Духовных академий 1814 г. включал пункт о формировании при академиях цензурных комитетов (ПСЗ. XXX. 23.122). В 1814 г. были созданы два цензурных комитета — один при Петербургской, второй при Московской духовной академии. Их компетенции подлежали не только собственные учебники и пособия, но и все духовные сочинения, издаваемые в своем учебном округе. Св. Синод контролировал деятельность академических цензурных комитетов через Комиссию духовных училищ. Таким образом, духовные академии сразу оказались в несколько привилегированном положении, т. к. цензурный контроль за их издательской деятельностью сводился к самоконтролю. Кроме того, выведение академических изданий из круга компетенции Московской цензурной комиссии (продолжавшей, несмотря на реформу, свое существование), давало возможность печатать их в любых, а не только в синодальных типографиях.

Первые опыты, свидетельствующие о возможности появления в России востребованной читателем религиозно-ориентированной журналистики, относятся еще к концу XVIII столетия. Н. И. Новиков пытался издавать в Москве ряд журналов масонского характера, в которых обсуждались различные темы религиозно-назидательного характера — «Утренний свет» (1777–1780); «Вечерняя Заря» (1782). В конце 1780-х в Москве К. Х. Штурм выпускал совместно с Н. И. Новиковым журналы, редактором которых был прот. И. Г. Харламов, — «Размышления о делах Божьих в царстве природы и провидения, на каждый день года» (1787–1788); «Беседы с Богом, или размышления в утренние часы, на каждый день года» (1789) и «Беседы с Богом, или размышления в вечерние часы, на каждый день года» (1789). Содержание этих журналов целиком формировалось из переводов немецких пиетистов, выполненных прот. И. Г. Харламовым — известным в то время переводчиком немецких и французских религиозно-нравственных сочинений. Еще одним переводным пиетистским журналом был «Духовный год жизни христианина», попытку издания которого в 1814 г. предпринял Я. В. Уткин. Религиозная тематика с мистическим и, отчасти, масонским направлением была присуща издававшемуся с 1807 по 1815 г. журналу М. И. Невзорова «Друг юношества».

Наконец, в 1806, а позже в 1817–1818 гг. выходил «Сионский вестник», издателем которого был А. Ф. Лабзин — конференц-секретарь, а позже и вице-президент Академии художеств, основавший в столице масонскую ложу «Умиряющего сфинкса». Исследователи не без основания относят «Сионский вестник» к изданиям эзотерического характера, хотя сам издатель полагал свой журнал христианским [Галахов, 1875, 94]. А. Ф. Лабзин, пользовавшийся покровительством обер-прокурора кн. А. Н. Голицына, был в это время уже известным переводчиком масонской и мистической литературы. Еще при Павле I он перевел на русский язык историю Мальтийского ордена; в первое десятилетие Александровского царствования он переводил и издавал за свой счет сочинения Юнга Штиллинга, Эккартсгаузена, Сен-Мартена, г-жи Гион и других авторов, мода на сочинения которых царил в образованном обществе той эпохи. По материалам личной переписки А. Ф. Лабзина можно заключить, что идея издания христианского журнала возникла у него в 1805 г. (ОР РНБ. Ф. 656. Д. 22. Л. 75). Образцом для «Сионского вестника» послужил, судя по всему, немецкий пиетистский журнал Пфенигера *Die christliche Monatsschrift*, издававшийся в Бремене и достаточно хорошо известный российским читателям. Первый номер «Сионского вестника» (январь 1806 г.) открывался предисловием, в котором излагалась издательская программа.

В ней А. Ф. Лабзин констатировал отсутствие в России, в отличие от других европейских стран, своего христианского журнала. Между тем, отмечал он, о назревшей его необходимости говорит широкое распространение иностранных периодических изданий соответствующей тематики. Таким образом, новый журнал предназначался для тех, кто не мог читать на иностранных языках. «Патриоту даже обидно вообразить, что его соотчич, по неимению только потребных для него книг на природном его языке, осужден не знать и не иметь тех прав, какими пользуется иногда слуга его, если он иностранец; тем более оскорбительно было бы позволять ему одне и те же книги на чужом языке читать, а на своем природном нет, чрез что всякий явно побуждаем был бы предпочитать чужие языки своему» (Сионский вестник. 1806. № 1. С. 8).

А. Ф. Лабзин был одновременно и издателем, и редактором, и единственным сотрудником своего журнала. Страницы «Сионского вестника» он наполнял собственными переводами пиелистских сочинений и описаниями различного рода мистических откровений, заимствованными из иностранных журналов, а также присылаемыми его светскими корреспондентами, разглядевшими в своей повседневной жизни явственные, по их мнению, «знаки водительства Божия».

Митр. Филарет (Дроздов), хорошо знавший А. Ф. Лабзина, позднее писал о нем: «много потрудился он на духовно-литературном поприще и был добрый человек, только с некоторыми особенностями в мнениях религиозных... сколько прекрасных вещей, говорил я ему, можно было бы печатать с пользою для многих, не касаясь этих особенностей?» (Из воспоминаний, 1868, 522).

На «Сионский вестник» был устойчивый читательский спрос, хотя большого ажиотажа его появление не вызвало. Сам А. Ф. Лабзин признавался в письме к Д. П. Руничу, что по его расчетам для достижения рентабельности необходимо не менее 400 подписчиков (ОР РНБ. Ф. 656. Д. 22. Л. 55). Порог рентабельности, судя по всему, был преодолен с выходом третьего, мартовского номера 1806 г., когда издатель засвидетельствовал успех своего начинания (ОР РНБ. Ф. 656. Д. 22. Л. 55). Но мартовский номер оказался последним — в связи с распространившимися слухами о связях А. Ф. Лабзина с иллюминатами журнал был закрыт. Лишь в 1817 г., после десятилетнего перерыва, «Сионский вестник» благодаря хлопотам А. Н. Голицына был возобновлен по Высочайшему повелению. По представлению кн. А. Н. Голицына, ставшего незадолго до этого министром народного просвещения и духовных дел, журнал был освобожден от обыкновенной цензуры. Сам Лабзин был удостоен Высочайшего рескрипта и ордена за издание духовных сочинений на русском языке. Издание окупалось, хотя его владелец не ставил своей целью рыночный успех и наживу.

Возобновление «Сионского вестника» совпало с началом ожесточенной борьбы противников «государственного мистицизма». В начале 1818 г. А. Н. Голицыну была подана записка А. С. Стурдзы, составленная на основе разбора содержания журнала с церковных позиций. «Сионский вестник» обвинялся в произвольном толковании учения о благодати, отрицании значения книги Царств, кощунственном учении о первородном грехе и т. п. [Стурдза, 1876, 268]. А. Н. Голицын после некоторого сопротивления был вынужден согласиться с введением духовной цензуры «Сионского вестника» и поручить ее архим. Иннокентию (Смирнову), ректору Петербургской духовной семинарии, имевшему репутацию злейшего врага мистицизма. А. Ф. Лабзин, не пожелавший изменить направление своего журнала, был вынужден прекратить издание. В целом, мистическое воодушевление, которым было охвачено российское образованное общество 1810–1820-х гг., оставило глубокий след в биографиях современников. Не только светские интеллектуалы, жизнь которых проходила, как правило, уже вдали от церковных стен, но и значительная часть духовенства, в том числе и многие видные иерархи, отдали ему дань. По образному замечанию прот. Г. Флоровского, в России в это время сформировалось «мистическое силовое поле» [Флоровский, 1983, 137]. Поэтому в биографиях людей alexандровской эпохи достаточно часто встречаются упоминания о пережитом ими в жизни «мистическом» периоде или просто небольшом «мистическом» эпизоде. Один из первых исследователей

истории издания «Сионского вестника» священник Г. Цветков писал по этому поводу следующее: «Учение мистиков у нас получило права гражданства, потому что внутренний человек во внешнем русском человеке только что зародился и предъявил право жизни. Он зародился под влиянием западного понятия и стал питаться западным же учением, за отсутствием чего бы то ни было удовлетворяющего у себя дома в литературном мире... Им увлекались и светские и духовные. Тот из духовных, кто успел развиться жизнью и образованием, кто чувствовал неудовлетворенность, жажду и стремление к усовершенствованию своих нравственных сил, тот непременно ощущал в себе дух времени, а мистицизм был тогда в духе времени. Мы помним еще нескольких таких лиц из московского духовенства. <...> А большинство — мы также и большинство помним — ничего не знало, кроме семинарской латыни, — не римской классической латыни, а своей собственной, переведенной с русского и не выходявшей за пределы обиходных сентенций и разных нравоучительных пословиц. Но и для них „Сионский вестник“ был самым приятным материалом для чтения, по чистоте и нравственности идей и необыкновенной для того времени легкости слога. Старики до гроба вспоминали об этом журнале с восторгом» [Цветков, 1862, 403].

Опыт «Сионского вестника» показал, что периодическое издание духовного направления уже может быть вполне востребовано российским обществом.

Возникновение церковного повременного издания соответствовало и общим тенденциям развития отечественной журналистики этого времени. 1810–1820-е гг. были периодом формирования ряда специальных отраслевых изданий. «Журнал Министерства народного просвещения», «Сенатский журнал», «Земледельческий журнал», «Труды Общества истории и древностей», «Журнал мануфактур и торговли», «Коммерческая газета» — вот далеко не полный перечень специальных изданий различных ведомств и учреждений александровской эпохи [Лисовский, 1903, 14]. Но создать церковное периодическое издание, находившееся, подобно им, в непосредственном подчинении главного отраслевого учреждения, было в то время еще трудно, т. к. Св. Синод не имел в своем тогдашнем составе кадров, годовых к исполнению столь ответственной интеллектуальной работы.

Инициатором создания первого христианского журнала, выходящего под эгидой Православной Церкви, стал будущий митрополит С.-Петербургский, а в то время ректор столичной Духовной академии архимандрит Григорий. Архим. Григорий (в миру Георгий Петрович Постников; 1784–1860) получил образование в Московской Троицкой духовной семинарии. В 1809 г. его в числе других лучших семинаристов определили для продолжения учебы в только что реформированную Санкт-Петербургскую духовную академию. Окончив ее в 1814 г. со степенью магистра богословия, Г. П. Постников сразу принял постриг, став монахом Григорием. С 1814 г. он преподавал в Академии богословие, в 1816 г. был назначен ее инспектором. В 1817 г. иером. Григорий получил ученую степень доктора богословия и был возведен в сан архимандрита. Тогда же, в 1817 г., архим. Григорий стал экстраординарным профессором Академии. Наконец, в 1819 г. он был назначен ее ректором [Родосский, 1907, 114]. Архим. Григорий был очень популярен как преподаватель. Занятия вел всегда на русском языке (а не на латыни, как было принято прежде). Новаторство его выражалось и в том, что Священное Писание он разбирал на лекциях по русскому, а не по славянскому переводу. Архим. Григорий вообще был в числе самых горячих сторонников русского перевода Библии. Прот. Г. Флоровский в кратком очерке об архим. Григории (Постникове) отмечал, что тот обычно старался избегать догматических тем, предпочитая им нравственное богословие; причем всегда осязательным было влияние «когда-то читанных и прочитанных им английских назидательных книг и брошюр начала века» [Флоровский, 1983, 185].

К сожалению, большая часть архива Академии безвозвратно пропала в советское время, поэтому реконструкция событий возможна лишь по немногим опубликованным до революции фрагментам. Запись в журнале академической конференции, относящаяся к 1820 г., сообщает: «Академии ректор архимандрит Григорий

предложил: не полезно ли было с будущего года начать при академии повременное христианское издание? — Все немедленно подтвердили пользу того, а некоторые и решительно объявили себя участниками в сем издании» [Лопухин, 1901, 4]. Была составлена редакция журнала, в которую кроме самого ректора вошли еще восемь человек из числа преподавателей Академии, а именно: ректор семинарии архим. Поликарп (Гойтанников), инспектор Академии архим. Нафанаил (Павловский), профессора прот. Г. Павский, Я. Ветринский, М. В. Себржинский, проф. Ф. И. Ветринский, преподаватели Г. Меглицкий, И. Певницкий, В. Оржевский. Все они без исключения состояли в трех первых выпусках обновленной Академии. Свое credo они изложили в издательской программе, помещенной в предисловии к первой книжке журнала. Целью издания было объявлено христианское просвещение, основанное на Св. Писании, т. к. именно в Писании «содержатся истины, которые должны составлять христианское просвещение; в нем находятся правила, которые должны быть правилами христианской жизни» (Христианское чтение, 1821, 9). Это обстоятельство могло вызвать — и отчасти действительно вызвало — определенные подозрения в том, что редакция несколько отклоняется от православной традиции, вытесняя на второй план Св. Предание. Но редакция обещала обращаться и к святоотеческим сочинениям, причем оставляя за собой право их критического отбора. Обоснование права на отбор выглядело довольно дерзко для своего времени и отражало взгляды богословов новой, уже реформированной школы. «Ибо лучшие новейшие истолкователи Писания и богословы знают коренные языки Писания лучше и многие из них определяют смысл Писания вернее, беспристрастнее к своим мнениям и началам какой-нибудь философии, нежели большая часть из них в прошедшие и наипаче в средние времена христианства» (Христианское чтение, 1821, 10). Конечно, речь здесь ни в коем случае не шла о какой-либо ревизии святоотеческого наследия в целом. Налицо, скорее, просветительское стремление сформировать корпус святоотеческих сочинений, наиболее актуальных в свете задач эпохи, и сделать его основой для массового чтения. В течение 1820–1830-х гг. на страницах «Христианского чтения» были опубликованы многочисленные сочинения свв. Дионисия Ареопагита, Макария Великого, Игнатия Богоносца, Антония Великого, Ефрема Сирианина, Василия Великого. В выборе сочинений именно этих отцов Церкви, при желании, можно увидеть проводимую редакцией журнала тенденцию — издавать на русском языке фундаментальные для христианского богословия произведения. Кроме того, мы рискуем предположить и наличие обозначенного впоследствии практического расчета. В 1831 г. ставший к этому времени епископом Тверским Григорий (Постников) по поручению Св. Синода составил список книг для церковных библиотек. Этот список был утвержден и вместе с соответствующим постановлением Св. Синода от 7 декабря 1831 г. разослан циркулярно во все епархии. В постановлении прямо указывалось, «чтоб все священнослужители старались заводить в своих церквях все назначенные в оном списке книги предпочтительно перед всеми другими книгами» (ПСР, 565). В списке, составленном еп. Григорием (Постниковым), наряду с Библией, Кормчей книгой и Духовным регламентом фигурируют произведения именно тех духовных писателей, которые составляли основу святоотеческих публикаций «Христианского чтения». При желании из различных книжек журнала легко составлялось книжное собрание, требуемое синодальным постановлением.

Обращает на себя внимание и выбранное редакцией название. В последующие десятилетия, когда счет церковных журналов и газет шел уже на десятки, употребление в их названиях прилагательного «христианский» почти не встречается, в отличие от прилагательных «православный» или «церковный». Это обстоятельство также свидетельствует о мировоззрении первоначальной редакции: ее противостояние духу века сего проходило по линии «христианский — нехристианский», а не углублялось в межконфессиональные противоречия. Подобная позиция отразила полуофициальные религиозно-политические взгляды императора Александра I, связанные с идеей создания евангельского государства.

Идея евангельского государства — т. е. государства общехристианского, возникла в ближайшем окружении императора вскоре после окончания наполеоновских войн. К этому времени Российская империя окончательно превратилась в многоконфессиональную страну. В результате завоеваний XVIII — нач. XIX вв. вокруг православного ядра внутренних губерний «древнерусского» происхождения сформировался обширный пояс неправославных территорий. Государство уже не могло отождествлять себя с «Православной Русью». Подданными русского царя были теперь миллионы католиков и протестантов Польши, Литвы, Прибалтики и Финляндии. Многоконфессиональность дополнялась разностью языков, культурных и политических традиций. Начался классический кризис империи — внешние победы и завоевания неизбежно готовили внутренний взрыв. Решение проблемы исключительно в политической плоскости было невозможно. Сложившаяся объективно ситуация как нельзя лучше отвечала религиозно-политическим исканиям Александра I. Тема создания евангельского государства в России довольно подробно освещена в современной историографии [Вишленкова, 1997; Цамутали, 2000]. Одной из его целей было предотвращение религиозной розни в стране. Отсюда стремление к воспитанию в духе общехристианских ценностей, избегание жесткого догматизма. В рамках идеи общехристианского государства логично выглядят такие знаковые инициативы александровской эпохи, как Библейское общество, Министерство просвещения и духовных дел, Священный союз и т. п. Наречение новоявленного журнала «Христианским чтением» очень созвучно настроением эпохи и, может быть, было рассчитано на Высочайшее одобрение. На приверженность редакции общехристианским ценностям указывает и выбранный ею эпиграф из Послания апостола Павла к Ефесянам: «наздани бывше на основании апостол и пророк» («бывши утверждены на основании апостолов и пророков», Еф 2:20). Для того чтобы читатель мог оценить смысл эпиграфа в контексте, процитируем это знаменитое апостольское послание более полно: «Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу. Бывши утверждены на основании апостолов и пророков, имея самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастет в святой храм в Господе» (Еф 2:19, 20). Для начитанных в Св. Писании современников этот эпиграф однозначно должен был служить отсылкой к идеям Библейского общества. Неслучайно спустя два десятилетия, в 1842 г., во время протасовского «обратного хода» этот эпиграф был сочтен неуместно притязательным и заменен на более нейтральный. Новый был позаимствован из Первого послания апостола Павла к Тимофею: «да увеси, како подобает в дому Божия жити, яже есть Церковь Бога жива, столп и утверждение истины» («Чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божьем, который есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины», 1 Тим 3:15). Еще позже, с середины 1860-х гг., оба эпиграфа ставились вместе.

Важнейшей задачей журнала редакция считала христианскую апологетику. В программе об этом было сказано прямо, причем с чрезвычайно смелой для того времени констатацией неблагополучия в родном отечестве: «дух вольномыслия и неверия бесчисленной толпы в западном христианстве, посредством чтения иностранных книг, давно уже проник в отечество наше; и, бродя по разным классам народа, проникает в умы и сердца некоторых даже из низших классов» (Христианское чтение. 1821. № I. С. 17). В качестве инструмента для борьбы с духом вольномыслия в журнале учреждался отдел, в котором помещались материалы апологетического характера.

Во время редакторства архимандрита (с 1822 г. епископа) Григория, с 1821 по начало 1825 г., в связи с его личными пристрастиями отчетливо ощутим назидательный характер журнала.

Ряд признаков указывает на наличие несомненной генетической связи «Христианского чтения» первых лет издания с «Сионским вестником». Дань мистицизму выплывал раздел «Сообщения о чудесных явлениях». Это была своеобразная «мистическая хроника». По этому поводу редакция прямо заявляла следующее: «В нашем отечестве весьма редко приходят в известность благодатные действия Св.

Духа на сердца человеческие. Посему пригласить при объявлении при сем издании всех любителей христианства и наипаче людей духовного звания о таковых действиях извещать издателей, для содействия оных явными к славе Божьей» (Христианское чтение. 1821. № I. С. 18). Этот раздел просуществовал вплоть до начала 60-х гг. (последняя публикация такого рода состоялась в 1862 г.). Правда, в отличие от «Сионского вестника», внимание редакции привлекали не случаи чудесного обращения, а известия о чудесных исцелениях (что, конечно, менее «мистично», но зато лучше согласуется с православной традицией). Случались, впрочем, и явно переводные сообщения о чудесах и знамениях. На протяжении первых полутора десятилетий на страницах «Христианского чтения» исправно размещались материалы с заголовками, варьирующими одну и ту же тему: «Чудесное исцеление одной девицы в день воскресения Христова» (Христианское чтение. 1821. № II. С. 346), «Чудесное исцеление крестьянки Авдотьи Тихоновой» (Христианское чтение. 1827. № XXVI. С. 353) и т. п. Начиная с конца 1830-х гг. подобные публикации встречаются уже значительно реже (раз в несколько лет), а потом, к середине 1840-х гг., они и вовсе прекратились. Произошла смена поколений — в редакцию журнала пришли новые люди, воспитанные в традициях нового царствования. П. Н. Знаменский находил, что мистический вкус редакционных предпочтений 1820-х гг. замечен отчасти и в выборе материалов переводного святоотеческого отдела «Христианского чтения» тех лет — в переводах из прпп. Симеона Нового Богослова, Антония Великого, Исаака Сирина и Марка Подвижника [Знаменский, 1885, 242].

Известие о начале издания христианского журнала стало своеобразной сенсацией, причем не только внутри церковной ограды. Безусловно, наибольший интерес был предъявлен со стороны духовенства. Но и светские читатели обратили внимание на незаурядный почин академической корпорации (отчасти это можно объяснить относительно невеликим в то время общим числом периодических изданий; отчасти — высоким уровнем тогдашнего интереса к околорелигиозной проблематике). Во всяком случае, журнал сразу стал издаваться огромным для того времени тиражом. Если первоначальный план издания предполагал тираж в размере 1200 экз. (что уже было немало в ситуации, когда коммерчески оправданным было издание 350–500 экз.), то к концу 1820 г., накануне выхода первого номера, число подписчиков приблизилось к трем тысячам. Это был поистине сенсационный успех, особенно при том, что подписная цена была средней относительно других журналов того времени — 25 руб. ассигнациями в год без пересылки и 30 руб. с пересылкой (РГИА. Ф. 807. Оп. 1. Ед. хр. 64). Для сравнения можно привести данные о числе подписчиков и стоимости самой подписки ряда других периодических изданий конца первой четверти XIX в. Так, например, на журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» в 1819 г. подписались 260 человек, на журнал «Благонамеренный» в том же году — 262, на «Журнал древней и новой словесности» в 1818 г. — 117 человек [Клейменова, 1981, 80]. Стоимость годовой подписки на журналы, в зависимости от переплета и качества бумаги, составляла в 1818–1820 гг.: «Соревнователь просвещения и благотворения» — от 30 до 37 руб., «Северный архив» — от 40 до 45 руб., «Отечественные записки» — от 25 до 30 руб. [Клейменова, 1981, 80]. Тираж «Христианского чтения» был сопоставим в то время лишь с тиражом «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, изданной в 1818 г. в количестве 3000 экземпляров.

Общественный резонанс, вызванный выходом в свет первого номера «Христианского чтения», был значительно более скромным и почти не проявлялся за пределами сословного круга духовенства. Хотя среди подписчиков журнала были не только представители духовного сословия. Более того, рискнем предположить, что рядовое духовенство как раз было в меньшинстве — стоимость подписки чаще всего была для него непосильной. Рекордная подписка, по нашему мнению, обеспечивалась за счет участия в ней коллективных клиентов в лице различных церковных учреждений. Это участие еще не носило обязательного характера (как будет во второй половине столетия). Епархиальные архиереи, почти все без исключения — люди

старой закалки, должны были с осторожностью смотреть на небывалое в их век явление. Но привычка не только исполнять синодские циркуляры, а еще и внимательно прислушиваться к негласным веяниям, исходящим из высших петербургских сфер, формировала определенное корпоративное поведение. Не будем забывать и о том, что у подавляющего большинства епископов того времени был немалый опыт обязательного участия в деятельности Библейского общества, покрывавшего тогда страну густой сетью своих филиалов (на 40 епархий приходилось 55 отделений и 177 сотовариществ общества) [Пыпин, 2000, 76]. Поэтому у епархиальных властей уже был немалый навык распространения печатного слова, вышедшего из недр Библейского общества. Руководители епархиальных структур — епископы с викариями, секретари духовных консисторий, ректоры церковных учебных заведений, благочинные, — все они по положению своему в большей или меньшей степени были причастны к организации подписки. Духовные семинарии и академии выписывали сразу по пять экземпляров (причем для библиотеки, т. е. для учащихся, предназначался из них только один; остальные распределялись, по одному экземпляру, епархиальному архиерею, ректору, инспектору и смотрителю духовных училищ). Пять экземпляров для своих читателей заказывала Императорская публичная библиотека. Членам Св. Синода, министрам и некоторым другим высокопоставленным сановникам экземпляры «Христианского чтения» высылались в дар. По одному экземпляру преподносилось в дар на Высочайшее имя — императору с императрицей (интересно, что в качестве препроводителя этого дара выступал не кто иной, как А. Ф. Лабзин, занимавший в начале 1820-х пост вице-президента Академии художеств) (РГИА. Ф. 535. Ед. хр. 51).

Первый номер или, как говорили в то время, первая книжка журнала вышла в свет в январе 1821 г. Не очень качественное типографское исполнение (у Академии не было своей полиграфической базы, журнал печатался в Медицинской типографии) несколько портило общее впечатление от нее. Содержание первого номера подчеркивало программу журнала. Вслед за ее изложением сразу следовало знаменитое святоотеческое творение — «Послание к Ефесянам» св. Игнатия Богоносца с примечаниями к нему. В дальнейшем стало своеобразной традицией открывать каждый номер журнала новым святоотеческим переводом. В следующем отделе, озаглавленном «Изыскания и рассуждения о христианской религии, о ее существе, благотворности, божественности и основаниях», были напечатаны два трактата: «Философско-богословское рассуждение о религии», в котором давался обзор основных философских систем того времени в их отношении к религии; и некое «Слово Божье в природе» (явный перевод с немецкого). Следующий отдел («Христианское учение, или изъяснение предметов православного вероучения и правил христианских») содержал статью «Некоторые правила жизни для христианского юношества». Завершался выпуск своего рода десертом из легкого чтения: «Полезные мысли на каждый день месяца» — 31 афоризм духовно-нравственного характера. Все это было изложено на 114 страницах, что составляло 7 листов. По этому образцу формировались и последующие номера журнала. К основным отделам время от времени добавлялись, варьируясь, несколько дополнительных — церковное красноречие, духовная история, назидательные размышления, христианская библиография (отечественная и зарубежная). Каждые три книжки журнала складывались в один том с общим оглавлением (их можно было переплести вместе). Таким образом, всего в год издавалось четыре тома «Христианского чтения».

С самого начала существования редакция академического журнала оформилась в виде коллегии, что, скорее всего, было слепком с академической Конференции. Каждый сотрудник редакции отвечал за закрепленный за ним отдел журнала. По сложившейся традиции ректор Академии, номинально возглавлявший издание, лично редактировал третий отдел — «Христианское учение», где размещались статьи по догматическому, каноническому и нравственному богословию, а также образцовые проповеди.

В дальнейшем популярность нового журнала резко снизилась и продолжала оставаться невысокой вплоть до конца 20-х гг. XIX в. В 1825–1826 гг. «Христианское

чение» испытало трудные дни и едва не заглохло совсем: подписчиков было мало, средств на издание почти никаких, и журнал едва влачил существование, «пробавляясь случайным материалом, по большей части наскоро составленными проповедями и малоназидательными размышлениями» [Лопухин, 1901, 92].

Основные разделы содержания «Христианского чтения» почти не менялись вплоть до окончания николаевского царствования. В 1830–1840 гг. содержание журнала состояло главным образом из святоотеческих сочинений в русском переводе (примерно сорок процентов от общего объема каждой книжки) и образцов церковного красноречия (еще сорок процентов). Оставшиеся двадцать процентов делили между собой разделы «Христианское учение» (о посте, об исповеди, о злословии и т. п.) и т. н. «Назидательные размышления», в которых довольно часто встречается авторство Московского митрополита Филарета (Дроздова). Очень редко и в минимальном объеме помещались в это время материалы по духовной истории. В целом, подбор статей носил случайный характер и определялся наличием материала, бывшего в распоряжении редактора. А так как редакцией заведовал исключительно ректор Академии, то на его заботе и лежало обеспечение журнала статьями, какие он находил «пригодными и желательными» [Чистович, 1889б, 48]. Святоотеческие переводы отличались, как правило, высоким академическим уровнем, за ними особенно тщательно и придирчиво наблюдали, как и за комментариями к ним. Так, в 1828 г. митр. Филарет (Дроздов) направил Св. Синоду подробный разбор ряда статей прот. Г. П. Павского, посвященных сочинениям св. Григория Богослова: «Просматривая, поколику время позволяет, последние книжки „Христианского чтения“, встретил я некоторые места, в которых истина представлена не со всею должною точностью, и от которых должно опасаться соблазна в книге, коея назначение есть назидание христианских читателей всякого звания ... (далее следует длинный перечень замечаний специального богословского характера. — *К. Н.*) по таковым местам, встречающимся в „Христианском чтении“, нимало не подозревая ни сочинителей, ни издателей, ни цензоров в недостатке православия, но примечая некоторый недостаток точности при благонамеренной мысли, принял я долгом присяги доложить о сем на усмотрение Св. Синода, не признано ли будет нужным подтвердить цензуре о усилении внимания и осторожности при рассмотрении сочинений» (Филарет Дроздов: *Собрание*, 246). Реакция Синода была мгновенной — в тот же день состоялось определение (от 30 ноября 1828 г.) предоставить Комиссии духовных училищ сделать петербургскому Комитету для цензуры духовных книг «надлежащее подтверждение о усилении впредь внимания и осторожности» (ПСРП, 315). Даже в столь стесненных тематических и цензурных рамках публикации «Христианского чтения» время от времени вызывали заметный общественный резонанс. В 1842 г. в разделе «Назидательных размышлений» была напечатана «Речь к воспитанникам дворянского полка при выпуске их в офицеры» свящ. Иоанна Рождественского, также наделавшая много шума в читающем обществе.

На протяжении достаточно длительного времени «Христианское чтение» продолжало оставаться единственным церковным журналом в стране. Его взлеты и падения связаны не только с изменениями общей политики государства в отношении печатного слова, задевавшей всю, в том числе и церковную, периодическую печать. Есть еще одно обстоятельство, имевшее очень большое значение именно для церковной периодики. Главой редакции академического журнала по должности всегда состоял ректор Академии. При этом должностной ректора обычно была промежуточной — спустя несколько лет он становился викарным епископом в каком-нибудь викариате, потом получал самостоятельную епархию. Ввиду того, что вся церковная журналистика на первых порах формировалась только внутри духовно-учебных заведений, а впоследствии была с ними тесно связана (в лице семинарских и академических изданий, «Епархиальных ведомостей» и т. п.), частая смена их руководства не могла не влиять на характер издаваемых журналов. Личные качества тех или иных представителей академического руководства и профессуры, их взгляды и пристрастия

находили отражение на характере редактируемых ими повременных изданий. А так как порядок формирования иерархии предполагал ее постоянную ротацию, вносилась и определенная неустойчивость в редакционную жизнь. Средняя продолжительность пребывания на посту ректора Санкт-Петербургской духовной академии в первой половине XIX в. составляла три-пять лет. Чаще всего ректор относился к редакционным занятиям формально, как к одной из своих многочисленных обязанностей, уделяя журналу ровно столько времени, сколько требовалось для поддержания его в требуемом виде. Но иногда ректорское кресло занимал человек, всерьез увлеченный журнальной работой, и тогда его пристрастия, интересы находили отражение в тематике публикаций. Так, например, короткий подъем популярности «Христианского чтения» произошел в 1828–1829 гг. и был связан с именем архим. Иннокентия (Борисова). Вместе с проф. Г. П. Павским и бакалавром Академии В. Б. Бажановым архим. Иннокентий попытался поднять погибающий журнал. «Христианское чтение» вновь стало расти, привлекая все больше внимания и интереса читателей. Книжки журнала с текстами проповедей архим. Иннокентия ходили по рукам, а многие притом жаловались, что никак не могут их раздобыть. Когда же в 1829 г. разнеслось известие о выходе на страницах «Христианского чтения» докторской диссертации архим. Иннокентия «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа», случился настоящий читательский ажиотаж. Спрос на соответствующие номера журнала был столь небывалым, что в редакции возникла мысль о повторении тиража. Тираж действительно был повторен, но не сразу, а в сороковые годы. Тогда же, в 1829 г., успех журнала вызвал некоторые сомнения среди блюстителей благонамеренности. Архим. Иннокентий и ранее вызывал определенные подозрения своей, казавшейся кому-то чрезмерной, эрудицией, французским языком, философией Шеллинга и прочими интеллектуальными украшениями, несвойственными для монаха, пусть и ученого.

Цензура «Христианского чтения» принадлежала петербургскому комитету духовной цензуры, размещавшемуся в том же комплексе зданий Александро-Невской лавры, где была расположена Академия. Сверх обычной цензуры в 1851–1855 гг. дополнительно осуществлялась проверка каждой книжки журнала в цензурном комитете при Св. Синоде. В соответствии с заведенным тогда порядком, «каждая книжка журнала представляема была по напечатании, прежде выхода из типографии, в этот комитет и выходила только после получения разрешения от оного. Немало книжек было задерживаемо с требованиями исключения той или иной из напечатанных статей, которые немедленно заменялись другими» [Чистович, 1889б, 69]. Непосредственным цензором «Христианского чтения» в синодальном цензурном комитете был директор канцелярии обер-прокурора, «правая рука Протасова» К. С. Сербинович (многолетний редактор «Журнала Министерства народного просвещения»).

В ежегодном отчете обер-прокурора, извлечения из которого начиная с 1836 г. регулярно печатались, «Христианскому чтению» обычно уделялось всего несколько строк. Их содержание оставалось неизменным на протяжении всего дореформенного периода. Любопытно, что составители первого опубликованного Извлечения из отчета по ведомству православного исповедания допустили ошибку в возрасте единственного церковного издания. В отчете за 1836 г. констатировалось: «Издаваемый при здешней академии журнал „Христианское чтение“ начал 17-й год своего существования (курсив мой. — К. Н.), постоянно предлагая читателям своим душеполезные беседы древних святых отцов и нынешних наших архипастырей и проповедников» (Извлечения, 1837, 60). Т. е. за год основания «Христианского чтения» был ошибочно принят 1819-й, а не 1821-й. Впоследствии данная неточность регулярно воспроизводилась в обер-прокурорских отчетах вплоть до 1861 г.

С содержательной точки зрения «Христианское чтение» оставалось неизменным вплоть до начала 1860-х гг. Кроме святоотеческих переводов на его страницах размещались многочисленные проповеди, слова и речи, произносимые православными иерархами по случаю особых событий или памятных дат. Этим и исчерпывалась, собственно, духовная публицистика тех лет. В ней очень сложно было найти отклик на те

или иные современные события, в ней не затрагивалось тем политического или экономического характера; она вообще была далека от всякой повседневной событийности. Для церковной публицистики 1820–1850-х гг. был характерен интерес к вопросам исключительно нравственного характера, которые рассматривались с традиционной для христианства надвременной точки зрения. Естественно, что при таких условиях не могло быть места никакой журнальной полемике, борьбе мнений и т. п. Эпизоды, когда та или иная публикация в «Христианском чтении» вызвала общественный резонанс, буквально единичны и связаны не с актуальностью поднятых проблем, а с литературными или научными дарованиями конкретного автора. Можно сказать, что журнал был почти полностью исключен из общественной жизни того времени. В мемуаристике и частной переписке отсутствуют какие-либо сведения о включении журнала в круг постоянного чтения московских «любомудров», славянофилов, западников и, шире, всего, по выражению А. И. Герцена, «мыслящего меньшинства». Исключение составляет Н. В. Гоголь, бывший регулярным подписчиком всех церковных журналов (о доставке ему свежих номеров «Христианского чтения» он хлопотал, даже находясь за границей). Интересное наблюдение сделано исследователем прот. П. В. Хондзинским относительно знакомства славянофилов с сочинениями отцов Церкви. По его мнению, вся их цитация полностью заимствована из журнала «Христианское чтение» 1820–1840 гг. [Хондзинский, 2017, 56].

В связи с этим можно предположить, что в России первой половины XIX столетия только начал формироваться круг просвещенных православных читателей — клириков и воцерковленных мирян, объединенных сходным образованием, мировоззрением и культурными традициями. Именно они представляли читательскую аудиторию «Христианского чтения» тех лет. Круг людей, вовлеченных в процесс становления духовной журналистики, был достаточно узок. Все они без исключения принадлежали к блестящему поколению первых выпускников обновленной в александровские времена духовной школы, сохранивших на всю жизнь ее принципы. Ни для кого из них участие в издании того или иного журнала не являлось профессией; эта деятельность была дополнительной по отношению к основной — преподавательской или церковно-административной, и в большинстве случаев она сводилась к более или менее продолжительному эпизоду в их жизни.

Источники и литература

Источники

1. ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 656. Д. 22. Л. 55–75.
2. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 535. Ед. хр. 51. Л. 2.
3. Извлечения из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1836 г. СПб., 1837.
4. ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. XXVII. 20.139.
5. ПСПР — Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. Пг., 1915. Т. I.
6. Собрание — Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816.
7. Филарет Дроздов: *Собрание* — Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по ученым и церковно-государственным вопросам. СПб., 1885. Т. II.

Литература

8. Вишленкова (1997) — *Вишленкова Е. А.* Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России Александровской эпохи. Казань, 1997.
9. Галахов (1875) — *Галахов А. Д.* Обзор мистической литературы в царствование императора Александра I // Журнал министерства народного просвещения. 1875. № 11. С. 84–138.
10. Жирков (2000) — *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX в. СПб. 2000.
11. Знаменский (1878) — *Знаменский П. В.* Основные начала духовно-учебной реформ в царствование имп. Александра I. Казань, 1878.
12. Знаменский (1885) — *Знаменский П.* Чтения из истории русской церкви за время царствования императора Александра I // Православный собеседник. 1885. Октябрь. С. 201–252.
13. Из воспоминаний (1868) — Из воспоминаний митр. Филарета // Православное обозрение. 1868. Т. II. С. 511–542.
14. Клейменова (1981) — *Клейменова Р. Н.* Издательская деятельность Московского университета в первой четверти XIX в. // Книга: Исследования и материалы. М. 1981. Вып. 43. С. 73–92.
15. Кондаков (1998) — *Кондаков Ю. Е.* Духовная политика Александра I и православная оппозиция (1801–1825). СПб., 1998.
16. Кондаков (2000) — *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000.
17. Котович (1909) — *Котович А.* Духовная цензура в России (1799–1855). СПб., 1909.
18. Лисовский (1903) — *Лисовский Н.* Периодическая печать в России. 1703–1903 гг. Статистико-библиографический обзор русских периодических изданий // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати 1703–1903 гг. СПб., 1903.
19. Лопухин (1901) — *Лопухин А. П.* Русский Златоуст // Странник. 1901. VI. С. 90–108.
20. Новиков (1951) — *Новиков Н. И.* Избранные сочинения. М., 1951.
21. Ростиславов (1872) — *Ростиславов Д. И.* Петербургская академия до графа Протасова. СПб., 1872.
22. Пыпин (2000) — *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000.
23. Родосский (1907) — *Родосский А.* Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов С-Петербургской Духовной Академии: 1814–1869 гг. СПб., 1907.
24. Стурдза (1876) — *Стурдза А. С.* Записки // Русская старина. 1876. Т. XV. С. 234–288.
25. Титлинов (1908–1909) — *Титлинов Б. В.* Духовная школа в России в XIX в. Вильно, 1908–1909.
26. Титов (1906) — *Титов Ф. И.* Преобразования духовных академий в России в XIX в. Киев, 1906.
27. Филарет Дроздов (1885) — *Филарет (Дроздов), митр.* Предложение митр. Филарета Св. Синоду о замеченных им неточностях в статьях журнала «Христианское чтение» (1828, 30 ноября) // Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского, по ученым и церковно-государственным вопросам. СПб., 1885. Т. II. С. 246–249.
28. Флоровский (1983) — *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1983.
29. Цамутали (2000) — *Цамутали А. Н.* Александр Николаевич Пыпин и его труды по истории религиозных движений в России в первой четверти XIX в. // *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000.
30. Хондзинский (2017) — *Хондзинский П. В., прот.* Святитель Филарет и Предание Церкви // Филаретовский альманах № 13. М., 2017. С. 47–74.
31. Цветков (1862) — Цветков Г. «Сионский вестник». Периодическое издание // Духовный вестник. 1862. II. С. 401–454.
32. Чистович (1899а) — *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899.
33. Чистович (1899б) — *Чистович И.* Санкт-Петербургская духовная академия за последние тридцать лет (1858–1888). СПб., 1889.